

Т а я Н а й д е н к о

О РОДИНЕ, О ПТИЧКАХ

ОДИН ГОВОРИТ

Один говорит «будь проще»,
Второй собирает вещи,
А третий — почти прощен.
Мужчина вообще не прочен,
Мужчина вообще не вечен,
Мужчина пройдет, как сон.

Останутся просто люди
На общем большем портрете,
Где каждый трагично мал.
Один обещал «мы будем»,
Другой уточнял «как дети»,
А третий уже дремал.

Один научил без звука
Рыдать по утрам, мечтая,
Что кто-то расслышит стон.
Один говорил «ты сука»,
Другой возражал «святая!»,
А третий не знал имен.

Но надо уметь, как ящер,
Заботясь о благе общем,
Отбросить их всех, как хвост...
Один улыбался чаще,
Другой говорил «будь проще!»,
А третий и сам был прост.

Я стала еще сложнее
(Что каждый из них пророчил,
Как самый дурной исход).
А все-таки — чуть нежнее.
Особенно — ближе к ночи.
Но это само пройдет.

ПОЭЗИЯ НЕ МОЖЕТ

Все говорят:
— Поэзия не может
Быть больше скучной! Всё! Какого черта
Мы терпим эту нудную бодягу —
О Родине, о птичках, о любовных
Страданиях какого-то уроды,
Довольного собой при этом, в общем,
Но как-то недовольного вообще?!
Пусть эта поэтическая сволочь
Хотя бы выступает перед нами!
Пред публикой, точнее. Или перед
Любым, кто оказался впереди!
Пусть он поет хотя бы под гитару,
Пусть он хотя бы хорошо танцует,
Или хотя бы носит трость и шляпу,
Пусть он хотя бы ногти подстрижет!
Пусть он следит за кожей и улыбкой,
Раз выдумал назваться здесь поэтом,
Пусть будет нам приятен, пусть покажет,
Как все небезразличны здесь ему!

Все говорят «Поэзия — не может!»
И добавляют бред какой-то в рифму,
Как будто бы поэзия — про рифмы,
Как будто бы поэзия — про жизни,
Про среды, понедельник, субботы,
Про выпитое, зло, добро и связи
Какие-то между всем этим бытом,

Про смерть, или детей, или про бога,
Про котика, червонец, мясорубку,
Как будто бы поэзия — про что-то,
Что вообще понять могли бы все.

Все говорят — поэзия не может...
И правы.

Ничего.

Все эти строчки —

Всего лишь бесполезная попытка.

Попытка не носить, к примеру, шляпу.

Не выступать перед своим народом.

Не нравиться ни вам, ни местным птичкам,

Ни Родине, ни матери своей.

Ходить без пистолета, без гитары,

Без паспорта, без денег, без опоры.

Без кожи. И уж точно — без улыбки!

С улыбкой — только если так нельзя.

Все говорят «Поэзия не может»

С каким-то очень недовольным видом,

Как будто бы им что-то обещали —

Кредит под это дело, летний отпуск,

Прогулку, секс, успехи в обороне

Страны или бессмертие в Париже —

И будто это все не получилось

Из-за одной досаднейшей причины:

Поэзия, скотина, не смогла!

Все говорят «Поэзия не может»...

Да с нами и кино уже не может!

Вот-вот откажет проза, а за нею —

Простейшие, привычные вещи,

Такие, как мораль или убийство,

Вкус сладкого, шуршание бумаги,

Приятность наблюдения за кем-то,

Возможность помочиться или выйти

Через окно куда-либо еще.

Начнется удивительное время.
(Поэзия по-прежнему не сможет,
Конечно же...)
Тогда и станет важно
Умение ходить тут без опоры,
Без паспорта, без публики, без шляпы,
Перетекать из одного в другое —
И становиться рисовой бумагой,
Шуршанием бумаги или светом,
Кружащим над бумагой, или мыслью
О том, что на бумаге написать.
Без имени, без кожи, без улыбки.
Без глаз.
И наконец-то — без стихов.

